

Е.Е. ШЕХОВЦОВА

Социально-культурный контекст самоубийств в элите Римской империи

Fuimus, non sumus.

Мы были – нас нет.

(Обычная надмогильная надпись на римских кладбищах)

Среди проблем истории культуры, разрабатываемых современными исследователями, проблема смерти занимает одно из видных мест. Социальные и гуманитарные науки все более активно обращаются к проблеме *восприятия* смерти людьми в разные эпохи [2. С. 5].

Отношение к смерти – это главный вопрос, характеризующий деятельность коллективного сознания; его изучение может расширить аксиологический контекст истории, поскольку в восприятии смерти по-своему выявляются тайны человеческой личности [2. С. 6].

Мнение о том, что греко-римский мир демонстрировал нейтральное отношение к самоубийствам, справедливо до известной степени, когда речь идет о мужских самоубийствах; отношение к самоубийствам женщин далеко не столь однозначно [1. С. 19].

Женщина в андроцентрической культуре, к числу которых относилась древнеримская, «не существует» как действительность. Однако она постоянно присутствует как возможность худшего или лучшего [7. С. 43].

Женские самоубийства не привлекали внимание античных историков и писателей в качестве особой темы для размышления. На страницах их книг мы встречаем лишь самые интересные эпизоды, касающиеся представительниц прекрасного пола, но специально к этому вопросу никто не обращался. Цель античных авторов – на этих скудных примерах дать урок читателю или даже, вероятнее, читательнице, образец добродетельного поведения верной жены и любящей матери и показать мужественные или отчаянные поступки некоторых женщин. Конечно же, внимание древних авторов акцентируется на знатных женщинах античности.

Обратимся к произведениям Корнелия Тацита, Плиния Младшего и Гая Светония Транквилла. Они были современниками друг друга, и это дает нам возможность взглянуть на происходившие события их глазами, получить более разностороннюю информацию.

Публий Корнелий Тацит (ок. 55-116/120 гг.) – крупнейший римский историк, величие которого заключается в мастерстве рассказчика, умении дать впечатляющие характеристики времени и людей, в драматическом построении повествования [6. С. 235].

Гай Плиний Цецилий Секунд Младший (61 или 62 – ок.114г.) был римским писателем и государственным деятелем [3. С. 34]. Он принадлежал к культурной элите своего времени и по многим свойствам своего ума и таланта находился выше её обычного уровня, но ни философом, ни глубоким мыслителем он не был [5. С. 280]. Тем интереснее его мысли о человеческом

существовании в мире. В «Письмах» Плиния встречается ряд упоминаний, более или менее достоверных, о женщинах, добровольно расставшихся с жизнью. Эти сведения имеют целью дать нравственный урок читателю.

Гай Светоний Транквилл (ок. 70-ок.140 гг.), принадлежавший к всадническому роду, входивший в кружок Плиния Младшего – один из центров культурной жизни его времени, был серьезным историком. Он сосредоточивал внимание не на историческом процессе, а на том лице, которое казалось ему центром исторического процесса [8. С. 5].

При изучении названных источников мы поставили перед собой задачу выяснить, какие причины побуждали женщин к самоубийству; отличались ли мотивы самоубийств мужчин и женщин; какие модели суицидного поведения были у римских матрон; как общество относилось к самоубийцам.

Указанные произведения дают читателю представление о том, что античное общество высоко ценило людей, способных добровольно расстаться с жизнью во имя высоких идеалов, в том числе защитников отечества, жертвовавших своей жизнью ради величия государства и императора. Недаром Плиний в «Письмах» обращается к легенде о древнем правителе: «Рассказывают, что Ксеркс, обводя глазами свое огромно войско, заплакал; жизнь стольких тысяч скоро закатится!» (Epist.III.13) [5. С. 48]. Такая оценка самопожертвования была актуальна и в Империи времен Плиния Младшего, так как античное общество основывалось на «культуре стыда»; боязнь потерять лицо являлась важнейшей силой, заставлявшей индивида поступать определенным образом или, напротив, избегать бесславного поведения [1. С. 29].

Покушение на самоубийство, по мнению М.Л. Гаспарова, обычно не считалось у римлян позором [8. С. 418]. Новшеством императора Клавдия (41-54 гг.) было налагать взыскания на человека, пытавшегося лишить себя жизни: «...тот, о ком говорил, будто он мечом хотел лишить себя жизни, откинул одежду и показал тело без единого шрама» (Svet.V.16.3).

Однако до Клавдия вынужденное самоубийство по приказу императора являлось первым в контексте причин самоубийств в античном мире. Недовольная правлением императоров знать действовала самыми разнообразными способами, начиная от анонимных памфлетов и кончая заговорами с целью убить правителя и передать власть сенатскому ставленнику. На оппозицию императоры отвечали террором. Уже Тиберий возобновил древний закон «об оскорблении величества римского народа», некогда каравший государственную измену, а теперь направленный против всех, кто оскорблял величие императора [8. С. 329].

Обычно император присылал центурионов, и человеку давали выбор – либо суицид, либо казнь на площади. В последнем случае имущество конфисковывали в пользу императора. Хоронить казненных было запрещено, однако «тела умертвивших себя дозволялось предавать погребению, и их завещания сохраняли законную силу» (Tac. Ann. VI. 29) [4. С. 159]. Неудивительно, что многие предпочитали самоубийство.

На страницах произведения Светония можно найти, по крайней мере, семь примеров того, что люди совершали суицид либо по приказу императора, либо из страха перед ним. Так, вольноотпущенница дочери императора Августа (30 г. до н.э.-14 г.) Юлии Старшей, Феба, покончила с собой после того, как ее госпожу осудили за непристойное поведение. Консул Тедий Афр осудил какой-то поступок Августа и впал в немилость; сенатору Корнелию Галлу император запретил появляться в своем доме и в своих провинциях, что подтолкнуло его к совершению отчаянного поступка. Значительное число людей пострадало во времена Тиберия (14-37 гг.): «Из тех, кого звали на суд, многие закалывали себя дома, уверенные в осуждении, избегая травли и позора, многие принимали яд в самой курии» (Svet. III. 61. 4).

Тиберий с течением времени перешел к открытой провокации, так как ему требовались деньги на нужды государства и армии: «Гнея Лентула Авгура, очень богатого человека, он угрозами и запугиванием довел до самоубийства, в надежде стать единственным его наследником» (Svet.III.49).

Боязнь потерять власть привела к еще более тяжким последствиям, жертвами стали даже родственники императора. Тиберий был виновен в смерти своего внука: «Предполагают, что Нерон был вынужден сам покончить с собой, когда якобы по воле сената к нему явился палач с петлей и крючьями» (Svet.III.54.2).

Согласно Тациту, в правление Тиберия было осуждено огромное число людей из всех сословий. Из известных женщин погибла Агриппина, вдова Германика, жадно рвавшаяся к власти: «Она сама себя уморила голодом, если только добровольность ее кончины не была вымыслом и ее насильственно не лишали пищи» (Тас. Ann. VI. 25).

Император преследовал Либона Друза из рода Скрибониев, на которого поступил донос, обвинявший его в подготовке государственного переворота и увлечении магией, и довел его до самоубийства: Либон «двумя ударами пронзил свои внутренности» (Тас. Ann. II. 31). Покончил с собой и Гней Пизон, легат и друг отца Тиберия, помогавший Германику устраивать дела на Востоке. Его тоже обвиняли в заговоре против императора: «...когда забрезжил утренний свет, его нашли с пронзенным горлом, а на полу лежал меч» (Тас. Ann. III. 15). Жена Пизона, Планцина, не выдержала преследований: «...привлеченная к суду по хорошо известному обвинению (в соучастии в убийстве Германика), она собственноручно предала себя скорее запоздалой, чем заслуженной казни» (Тас. Ann. VI. 26). В Риме, где непрерывно выносились смертные приговоры, «вскрыл себе вены и истек кровью Помпоний Лабен, правитель Мезии; то же сделала и его жена Паксея» (Тас. Ann. VI. 29). Бывший претор Цецилий Корнут, обвиненный в заговоре, поспешил умертвить себя; по делу Сеяна был осуществлен ряд казней и преследований. Неизвестный приверженец Сеяна «бросился грудью на меч, который скрывал под одеждою» (Тас. Ann. V. 7). В то же время погибли Публий Вителлий, осужденный по обвинению в заговоре, бывший

претор Секст Вителлий, виновный в написании сочинения против юного Гая Цезаря. Оба они вскрыли себе вены.

Во время правления императоров династии Юлиев-Клавдиев ни один человек не мог чувствовать себя в безопасности. Даже за малейший проступок следовала расправа. Так, за обедом Тиберий любил спрашивать приближенных о том, что он читал в этот день. «Узнав, что грамматик Селевк выведывает у его слуг, какими писателями он занимается, и приходит к столу подготовленный, он тотчас изгнал его из своего общества, а потом довел до самоубийства» (Svet. III. 56). Этот инцидент произошел из-за того, что Тиберий боялся предательства слуг.

Император Калигула (37-41 гг.) боялся заговоров и потери власти. По этой причине погибло много невинных людей, среди них тесть Калигулы, Силан. «Император обвинил несчастного в том, что он в непогоду не отплыл с ним в бурное море, словно надеясь, что в случае несчастья с зятем он сам завладеет Римом» (Svet. IV. 23. 3). Между тем Силан просто боялся морской болезни и трудностей плавания и отказался сопровождать императора в его путешествии, за что и был заподозрен в заговоре.

При императоре Клавдии погибла Поппея Сабина – мать Поппеи Сабинны, будущей жены Нерона. Ее обвиняли в связи с Валерием Азиатиком, вдохновителем убийства Гая Цезаря; Азиатика была дарована милость: ему предоставили самому избрать для себя род смерти, и он вскрыл себе вены.

Известно, что императрица Агриппина преследовала подданных и принуждала их к самоубийству: «Агриппина, беспощадная в ненависти и считавшая своим врагом Лоллию, так как и она когда-то притязала на замужество с Цезарем, измышляет ей преступления и выставляет против нее обвинителя, приписывающего ей обращение к халдеям и магам» (Tac. Ann. XII. 22).

Массовым принуждением к самоубийству отличалось время правления Нерона (54-68 гг.). Тацит писал: «Даже если бы я описывал внешние войны и говорил о павших в них за отечество, подобное однообразие обстоятельств их гибели и во мне самом породило бы пресыщение» (Tac. Ann. XVI. 16).

Тацит упоминает в связи с этим о трех самоубийствах женщин: вольноотпущенница Эпихарида, обвиненная в причастности к заговору против Нерона, после жестоких пыток повесилась; Луций Ветер, его теща, Секстия, и его дочь, Поллитта, вскрыли себе вены, доведенные до отчаяния преследованием императора Нерона; в это время погиб и Сенека, а его супругу, Поппею Паулину, спасли по приказу императора, «не желая усиливать вызванное его жестокостью всеобщее возмущение» (Tac. Ann. XV. 64).

Как свидетельствуют источники, причиной самоубийства нередко был позор женщины, невыносимый для ее психики и не совместимый с жизнью. Светоний пишет, что Тиберий, будучи у власти, измывался даже над самыми знатными женщинами. Лучше всего это показывает гибель некой Маллонии: «... (на суде) она во весь голос обозвала его (Тиберия) волосатым и вонючим

стариком с похабной пастью, выбежала из суда, бросилась домой и заколола себя кинжалом» (Svet. III. 45).

Эмилия Лепида, вдова Друза, сына Германика, была привлечена к ответу «доносчиками за прелюбодейную связь с рабом, и так как ее бесчестье не вызывало сомнений, она сама, не пытаясь оправдаться, положила предел своей жизни» (Tac. Ann. VI. 40).

Для мужчин тоже была характерна боязнь позора: сын бывшего консула, Секст Папиний, бросился вниз с большой высоты. «Вину за это возлагали на его мать, которая, уже давно пребывая в разводе, нежностью и оболъщениями довела юношу до того, с чем покончить он не нашел другого средства, как смерть» (Tac. Ann. VI. 49). В этом повествовании явно проявляется боязнь римлянина «потерять лицо».

У Плиния Младшего упоминается только одна причина самоубийства: женщина добровольно уходила из жизни, разделяя судьбу мужа или близкого родственника в силу своей привязанности к нему; на это ее могли подтолкнуть тщательно усвоенные с детства идеалы добродетельного поведения жены в семье.

Аррия Старшая, жена Цецины Пета, сенатора, наместника большой провинции [5. С. 313], была для мужа и утешением и примером в смерти. Когда умер сын, она так подготовила похороны, что тяжело больной муж ничего об этом не узнал. «Входя в его комнату, она говорила, что сын жив и чувствует себя лучше» (Epist. III. 16). Аррия не представляла жизни без сына и мужа. И когда уже невозможно было скрывать смерть сына, она уговорила мужа пойти на отчаянный шаг, и супруги умертвили себя одним кинжалом, причем Аррия погибла первой как инициатор самоубийства.

Следует отметить, что в Римской империи вслед за стоиками многие люди считали, что разумно покончить с собой, если нельзя жить по-человечески: «Если я узнаю, что болезнь моя неизлечима, я уйду из жизни, потому что болезнь лишает меня всего, ради чего стоит жить» (Seneca. Epist. 58. 32-36) [5. С. 290].

В «Письмах» встречается информация еще об одной женщине-самоубийце, имя ее не дошло до наших дней. «Мужа ее давно изводили гнойные язвы на тайных органах. Жена попросила показать их: никто честнее не скажет, может ли он вылечиться. Увидев, она пришла в отчаяние и уговорила его покончить с собой, и была ему в смерти спутницей, нет, вождем, примером, неизбежной судьбой» (Epist. VI. 24). Так жена разделила судьбу мужа, бросилась в озеро, предпочитая смерть вдвоем позору, а, может быть, мучительному существованию.

Кореллий Руф, консул 78 года, легат Верхней Германии в 82 году, друг Веспасиана и Тита, давний и старый друг семьи Плиния, то есть достоверная историческая личность [5. С. 290], страдал от подагры и покончил с собой. К сожалению, не указан способ ухода из жизни, какой он предпочел.

Не только болезнь, но и потеря власти, то есть изменение привычного существования, подталкивало людей на решительные поступки. Светоний рассказывает о гибели Нерона и Отона. Оба императора лишились власти и

предпочли самоубийство позору и мучительной казни по обычаю предков, когда преступника секли розгами до смерти (Svet. VI. 42. 2). Нерон «с помощью своего советника по прошениям, Эпафродита, вонзил себе в горло меч» (Svet. VI. 49. 4). Отон кинжалом «одним ударом поразил себя пониже левого соска» (Svet. VII. 11).

Мотивами самоубийств мужчин и женщин могли быть личные переживания [1. С. 37], например, боязнь нестабильной политической обстановки: императора Вителлия подозревали в причастности к самоубийству матери. «Она, измучась настоящим и страшась будущего, попросила у сына яду и получила его без всякого труда» (Svet. VII. 14. 5).

Гай, брат будущего императора Гальбы, «порастратив состояние, покинул Рим, и когда Тиберий не допустил его в должный срок к жребию о проконсульстве, он наложил на себя руки» (Svet. VII. 3. 4). Таким образом, боязнь нищеты, безысходность толкали людей на опрометчивые поступки, заканчивающиеся насильственной смертью.

Мы можем предположить, что существовали типично женские способы ухода из жизни. На это указывает фактический материал: при выборе способа самоубийства женщины стеснялись публичности, которой жаждали многие мужчины, когда кончали с собой [1. С. 37]. В «Письмах» Плиния Младшего упоминается два способа самоубийства женщин: нож и вода.

Женщины, описанные Светонием, пред-почитают петлю (Феба), кинжал (Маллония), яд (мать императора Вителлия); Тацит упоминает о том, что Агриппина уморила себя голодом. Эта практика *karteria* (греч.) или *inedia* (лат.) типична для людей с высоким общественным положением, которые сознательно искали смерти, когда чувствовали, что их жизнь исчерпана [1. С. 21].

Паксея, супруга правителя Мезии, Секстия и Поллитта вскрыли себе вены, Эпихарида предпочла петлю. В то же время мужчины в большинстве своем выбирали холодное оружие и яд, стремясь к публичности, они умирали на заседании сената или в окружении друзей: «...оставили гнетущее впечатление обстоятельства гибели римского всадника Вибулена Агриппы. После выступления обвинителей он тут же в курии достал спрятанный под тобою яд и, проглотив его, тотчас упал» (Tac. Ann. VI. 40).

Таким образом, в «Письмах» встречаются упоминания о двух самоубийствах женщин и четырёх самоубийствах мужчин; в произведении «Жизнь двенадцати цезарей» – о трех самоубийствах женщин и девяти самоубийствах мужчин. В «Анналах» от своей руки погибают девять представительниц прекрасного пола и более тридцати всадников и сенаторов.

Женщины реже кончали жизнь самоубийством, как видно из произведений античных авторов. Но это не даёт нам представления об общей картине самоубийств той эпохи, так как, возможно, авторы умолчали о подобных происшествиях.

Подводя итог всему вышесказанному, следует отметить, что *причинами*, побуждающими римлян к самоубийству, были преследование, а иногда и прямой приказ императора, позор, неизлечимая болезнь. У женщин

существовала еще одна причина отчаянных поступков: привязанность к мужу или близкому родственнику. В этом главное отличие причин самоубийств мужчин и женщин. Для римских матрон на первом месте всегда был супруг и семья, они с трудом могли существовать без этих двух составляющих.

Мотивы женских и мужских самоубийств были различны. В то время как мужчина руководствовался чисто практическими интересами: сохранить в силе завещание, оставить имущество за своими родственниками, погибнуть с честью на глазах друзей и приверженцев, остаться в памяти исключительно положительным человеком, смелым, мужественным, отважным, женщину побуждал к решительным действиям стыд, стремление соответствовать в поведении и поступках усвоенному в детстве идеалу добродетельной римской матроны. Кроме того, по своей природе женщины как более ранимые существа чаще впадали в отчаяние, хотя и среди мужчин, и среди женщин, как показывают источники, встречались исключения. Иногда мужчина был настолько душевно слаб, что страх перед грядущей старостью мог подтолкнуть его на опрометчивый шаг, а женщина, наоборот, так сильна, что вдохновляла своим примером супруга.

Способом самоубийства римские матроны избрали нож, воду, петлю, яд, лишение пищи, причем на страницах произведений античных авторов женщины предпочитают использовать нож, чтобы умереть, избежав публичности, у себя дома.

Для римского общества самоубийства были нормой, составной частью повседневной жизни. Отсюда нейтральное, а иногда даже положительное отношение к самоубийцам как смелым, отважным людям, добродетельным, исполнившим свой долг перед семьей. Античные авторы явно сочувствуют самоубийцам, скорбят о преждевременной кончине многих славных людей.

Несмотря на то, что источники бедны фактами о суицидном поведении представителей высших слоев общества, нельзя не отметить их ценность, так как они дают возможность исследователям понять *причины* поступков людей, живших около двух тысяч лет тому назад.

Античный мир удивительно рано проявил интерес к внутреннему миру женщин [1. С. 37]. Наше исследование реальных и вымышленных женских самоубийств на основе произведений Тацита, Плиния Младшего и Светония позволяет обнаружить попытки понять состояние женской души, что могло сыграть свою роль в познании женской самооценки и повлиять на восприятие личностных параметров женщины.

Библиографический список

1. А. ван Хоф. Женские самоубийства в античном мире: между вымыслом и фактами // Вестник Древней истории. 1991. №2.
2. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти: Пер. с фр. / Общ. ред. С.В. Оболенской; Предисл. А.Я. Гуревича. М.: Издательская группа «Прогресс» – «Прогресс-Академия», 1992.

3. Большая Советская Энциклопедия / Под ред. А.М. Прохорова. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1975. Т. 20.
4. Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. Т.1. Анналы. Малые произведения. 2-е изд., стереотипное. Т.2. История. 2-е изд., исправленное и переработанное. СПб.: Наука, 1993.
5. Письма Плиния Младшего. Письма I-X. Издание подготовили М.Е. Сергеенко, А.И. Доватур. 2-е изд. М.: Наука, 1984.
6. Подосинов А.В. LINGUA LATINA. Введение в латинский язык и античную культуру. Часть IV. Книга 1. Хрестоматия латинских текстов. М.: Прогресс, 1995.
7. Рябов О.В. Гендерные аспекты межкультурной коммуникации: социально-философский анализ// Гендер как интрига познания. Альманах. Пилотный выпуск. Гендерные исследования в лингвистике, литературоведении и теории коммуникации. М.: Рудомино, 2002.
8. Светоний Г.Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей: Пер. с лат. М.Л. Гаспарова / Предисл. и примеч. М.Л. Гаспарова; Послесл. М.Л. Гаспарова, Е.М. Штаерман. М.: Правда, 1991.